

Лилиэра, единственная дочь третьей императрицы, которую нынешний император любил больше всех. Ей было всего пятнадцать лет, но в прошлом месяце у нее уже был дебют.

Это был ранний дебют по сравнению с дебютами большинства благородных дочерей, которые устраивали их в шестнадцать или семнадцать лет. Цель была настолько очевидна, что все знали, почему она это сделала.

Это было ее первое публичное мероприятие. Она появилась, и люди заговорили.

— Фу, где она взяла это ужасное платье?

Элла нахмурилась при виде принцессы. Ее платье не только не соответствовало ее возрасту, но и было настолько великолепным, что казалось слишком неподходящим для нее.

«Даже я не смогла бы это повернуть», — подумала Элла.

Было очевидно, чьему вкусу соответствовало это ужасное платье.

Элла посмотрела в сторону и увидела Дейсона, который проводил ее взглядом, полным отвращения.

Его дилемма заключалась в том, что он не мог отказаться от сватовства, проведенного императором. Мало того, он не мог игнорировать гнев императрицы на императора за его неуважительное сватовство. Это было видно по его выражению лица.

Стало гораздо понятнее, как он собирается помочь.

«Итак, вот оно. Здесь начинается его просьба».

Однако его просьба была слишком опрометчивой. Он должен был хорошо знать, что значит быть единственной девушкой среди трех домов маркизов.

В отличие от его намерений, Элла не могла стать его причиной расторжения брака. Она не могла прочесть, каковы его истинные намерения, поэтому смотрела на спину Дейсона, который теперь приближался к принцессе. Она все еще пыталась понять его истинную цель.

«Я не понимаю, что у него на уме. Чего он на самом деле хочет?»

У нее было ощущение, что кто-то смотрит на нее сильнее, чем она на Дейсона. Она проследила за этим взглядом и обнаружила Кладиса, наблюдавшего за ней.

Кладис сделал большие шаги, передав принцессу Дейсону, как сумку с багажом, а затем направился прямо к Элле, даже не взглянув по сторонам.

Он уже не был тем растерянным, потрясенным человеком, каким был вчера, когда стоял перед ней. Он выглядел как человек, обладающий огромной решимостью, и казался готовым.

— Если позволите, я хотел бы поговорить с вами наедине, моя невеста. Вы позволите это?

Ей хотелось крикнуть: «Ни за что. Прочь», как будто не было всех этих людей, смотрящих на них. К сожалению, она находилась в зале для вечеринок в доме маркиза. Она чувствовала, как люди с любопытством смотрят на них, поскольку два человека из слухов стояли сейчас лицом к лицу.

Если бы Элла отказалась от его предложения, это породило бы новую порцию слухов. Поэтому у нее уже был готов ответ.

— Конечно, ваше высочество.

Элла с покорным выражением лица поклонилась, слегка согнув колени, стараясь выглядеть так, будто между ними все в порядке.

Кладис изо всех сил старался не показать своего облегчения, даже когда действительно чувствовал это. Он тоже беспокоился об окружающих.

Принц вывел свою невесту из зала, подошел к ждущему его рыцарю и спросил:

— Где моя комната отдыха?

— Я проведу вас, ваше высочество.

Комната отдыха, куда их привел рыцарь, была большой и богато украшенной, подготовленной Уинсроллами исключительно для королевской семьи. Она отличалась от комнаты отдыха семьи Эллы.

Однако наслаждаться этим было некогда.

Как только они вошли, Элла дистанцировалась от Кладиса и заняла оборонительную позицию.

«Хмф! Я никогда не обручусь с тобой, что бы ты ни говорил. Пробуй, сколько хочешь!»

Элла хотела бы, чтобы он почувствовал ее силу воли.

Вместо этого Кладис испустил долгий вздох, глядя на нее и демонстрируя суровый отказ всеми своими жестами. Затем он решительно сжал оба кулака, посмотрел на нее и сказал:

— Я не буду оправдываться. Прости, это все моя вина.

Голова наследного принца, которая никогда ни перед кем не склонялась, так легко склонилась перед ней.

«...!» — ахнула Элла и застыла на месте, удивленная глубоким поклоном Кладиса, который он сделал без колебаний.

Это была простая форма извинения для Ранхи, но она знала, как тяжело ему было извиняться. В романе он никогда так не извинялся. Он не поклонился даже Люсиэлле, которую так любил.

Лучшим извинением, которое он принес, был дорогой подарок и грустный взгляд, напоминающий взгляд промокшего щенка. Это было не потому, что он не ценил Люсиэлли. Скорее, он не был тем, кто мог бы склониться перед подобным человеком.

С самого рождения он усвоил, что «император или тот, кто станет императором, никогда не должен кланяться». Такого рода извинения были не присущи его характеру.

Кладис на глазах у Эллы нарушил усвоенный им принцип и извинился перед ней, как только мог. Эта тяжесть легла на ее сердце, и она закусила губу, глядя на его склоненную голову.

«Он и его слуга так похожи. Почему они так однотипны даже в таких вещах?» — как и Итан, Кладис тоже поспешил извиниться. — «Шок от того дня и чувство предательства все еще здесь. Должна ли я покончить с этим извинением?»

Элла не хотела извинений, поэтому она ответила:

— Ваше высочество. Вы не должны так кланяться мне.

— Я знаю. Мой отец пришел бы в ярость, если бы узнал. Но я подумал, что это лучший способ сообщить тебе, что я чувствую. Прости, я серьезно. Моя глупость заставила тебя страдать. Я должен был извиниться раньше... Мне жаль.

Элла посмотрела на него, на прямое извинение, брошенное на нее. По выражению его лица она почувствовала, что извинение было искренним. Она не могла игнорировать это. Однако гордость и уверенность, глубоко запрятанные в его душе, заставляли ее ворчать.

В мире, в котором он живет, все должны были простить его даже без его просьбы о прощении, и даже когда он попросил прощения, обычное извинение решило бы проблему.

«Он может верить, что его можно простить за все, если он извинится подобным образом».

<http://tl.rulate.ru/book/58874/2460228>